

Москва, 1986 год, декабрьский вечер. В Малом театре — разезд, сыграна пьеса «Картина». Зритель принял ее сдержанно, не был расточительно щедр на аплодисменты. Но дважды зал взрывался — люди вставали с мест, пробуждались партер и балконы, публика жила единым восторгом, когда на сцене появлялась и — всего через десять минут! — уходила Гоголева. Десять минут оглушительной тишины, такой, что кресло не скрипнет, программка не зашелестит — лишь ясный, негромкий голос Гоголевой. Десять минут, которые стоили иного трехчасового спектакля...

Готовясь к встрече с Еленой Николаевной, я перебирал старые театральные программки и фотографии. И вспомнил, как лет десять назад в подмосковном Доме творчества завязалась за чашкой чая разговор о «стариках» Малого театра. Тогда одна из молодых актрис спросила у сидевшей здесь же Раневской: когда появилась на сцене Гоголева? «Дитя мое, — ласково ответила Раневская, — Гоголева была всегда».

ЧЕЛОВЕК НА ПЕРЕКРЕСТКЕ СТОЛЕТИЙ

Герой Социалистического Труда, народная артистка СССР

Е. Н. ГОГОЛЕВА:

НА ЛЕЗВИИ РИСКА

— Елена Николаевна, следующий театральный сезон будет для вас семидесятым. Вы работали вместе с Ермоловой, Садовскими, Южинным, Остужевым... Но театр меняется. Принимаете ли вы его?

— Мне много лет. Но я все время учусь. Любая формула театрального успеха устаревает, не успев родиться на свет. Я не признаю догм — жизнь идет вперед, и актер должен получать от этой жизни все новое, новое и новое и вырабатывать в себе все новое, новое и новое. Порою слышу: «Икс как актер кончился». А что это значит — кончился? Недавно смотрела по телеку (кажется так?) концерт одной эстрадной певицы. Я смотрела, и мне становилось ясней, где та грань, за которой кончается актер. Он кончается, когда больше ничего не признает: «Я в зените, я все испытал, всего достиг. Я не учусь — мне не у кого учиться, это я учу». И все — нет актера.

Гениальность — это полшага за предел очевидного. Новые классики — рядом с нами. Не сплутнуть бы их собственной незыблемостью, успеть бы у них поучиться! Смотрю на молодую нашу актрису Евгению Глушенко, пристально взглядываюсь и вижу — да, я могу ей многое подсказать. Но сколько могу взять от нее! Новый взгляд, новый поворот, новая интонация... Точно так же пятнадцать лет назад брала я уроки нового у Виталия и Юрия Соколовых, у безвременно ушедшего Никиты Подгорного, моего чудесного партнера. Когда Леонид Ефимович Хейфиц ставил пьесу Гауптмана «Перед заходом солнца», я просила его посмотреть на меня свежими глазами и решительно очистить меня от штампов! Заметить свой собственный штамп — это у грани посылного. Хочу режиссера ругающего. Нет ничего полезнее доброжелательной ругани. Я хочу учиться. И я не смешиваю традиции и консерватизм.

— А в разговоре о современной молодежи вам удается не впасть в консерватизм?

— Знаете ли, меня больше пугает не консерватизм стариков, а не (или «анти», что, впрочем, одно и то же) консерватизм молодых. Их рефлекс неприятия. Это опасно — в цепи культурного развития возникает разрыв. Как быть? Ведь развитие подразумевает преемственность.

Кто виноват? Время? Что искать виновных! Но между тем мы теряем связь поколений, а она необходима. Мне говорили, что достаточно-де прочитать мою книгу «На сцене и в жизни», чтобы преклоняться перед Ермоловой и Южинным, красиво назвали мои воспоминания «эстафетой почтения». Но книги, статьи, мемуары не

так доходчивы, как живое слово. И у меня нет возможности произнести это слово. Наши шансы на взаимопонимание с каждым днем все уменьшаются. Разобщение — это очень страшно. Теряю представление о молодежи. Чем они живут? Есть ли у них кумиры? И если есть, то кто? Как объяснить, что у стариков-то не все плохо — есть и много хорошего, которое мы когда-то получили от своих стариков...

...Да, Гоголева распорядилась своей молодостью мудро и властно. XX век подарит миру эффектное слово «самосозидание», разумея под тем гармоничное, равноправное развитие тела и души. Юная актриса постигала эту науку без тренера и методических пособий.

Мир тесен, и тесна была Москва двадцатых годов. В одном архиве мне попало в руки письмо невесты чье: «Вышел вчера из ворот на Петровку, и — представь себе картину! — скачут по мостовой свободным аллюром два всадника. Слева — первая московская красавица Гоголева, артистка из Малого. Спутник ее, показалось мне, был Всеволод Аксенов, — да впрочем, ты должен помнить их обоих по гусарской песенке (видимо, речь идет о пьесе В. Волькенштейна «Гусары и голуби»). Аня говорит, что Гоголева вдобавок ловко фехтует и недурно играет в теннис, — ай да артисты у большевиков!»

— Елена Николаевна, а ведь вы еще и плавали отменно, и увлекались быстрой ходьбой, и даже получили значок «Ворошиловский стрелок»...

— И еще носилась на велосипеде по Тверской, пугая прохожих... Но шутки в сторону — как мало удалось бы мне сделать в театре, не занимаясь спортом! Действительно, у меня не было «персонального» тренера. Но я с благодарностью вспоминаю имена своих учителей: знаменитого дрессировщика Вильяма Труцци, давшего мне уроки высшей школы верховой езды, преподавателей филармонии Апушкина (он считал меня одной из лучших своих учениц в фехтовании на рапирах) и Загарова (его уроки представляли собой некий симбиоз физкультуры и пластики: падения, повороты, прыжки — и все это должно было быть красиво, выразительно), Марии Петровны Станиславской, в балетном классе которой я занималась и которой теперь бесконечно благодарна за науку самодисциплины и выносливости.

Актеру необходим спорт — какие роли проходят мимо наших талантов, решивших когда-то, что для успеха на сцене довольно лишь умения войти в образ! Актер должен в совершенстве владеть своим телом, иметь красивую походку, пластичные движения, уметь двигаться, падать, танцевать, фехтовать, наконец!

Я удивляюсь, когда узнаю, что актер пренебрегает даже минимальными, получасовыми утренними упражнениями. Ведь это все — туалет актера, столь же необходимый, как, скажем, занятия голосом или холодный душ. И ведь речь идет о молодых актерах! Неужели они расчитывают на чудесное театральное долголетие? Мои шесть-десять-восемь лет на сцене — это шестьдесят-восемь лет каждодневных занятий физкультурой и, по мере возможности, спортом.

стоногову я совершенно искренне писала, что если бы у меня в моей творческой жизни были такие учителя-режиссеры, как он, я могла бы быть другой, хорошей актрисой...

— Елена Николаевна, огромным успехом пользовалась одна из ваших недавних работ — роль Мамуре. Вернетесь ли вы на сцене к этой роли?

— Вернусь, но только не в этом сезоне — ведь у моей героини там много движений, а перелом пока еще дает о себе знать. Играю в пьесе «Картина» по Даниилу Гранину десятилетиями.

— Интересует ли вас большой спорт?

— Очень! Теннис, волейбол, художественная гимнастика — стараюсь не пропускать лучших соревнований. И, конечно же, фигурное катание, особенно танцы на льду. Я была страстной поклонницей Людмилы Пахомовой и Александра Горшкова. Отчего я выделяю именно фигурное катание, именно танцы? Оттого, что в иных видах спорта меня смущает... высокое мастерство участников. Не удивляйтесь, я поясню. Тот же теннис: сегодня это совершенно другая игра. Пластичку заменила сила, изящество вытеснено быстротой. Я восхищаюсь мастерством Лендла и Беккера, но... Любому теннисист моего времени проиграл бы им с сухим счетом.

— Это вас и смущает?

— Именно это! Ну кому хочется сознавать свое ничтожество на корте? И кто может дотянуться до такого мастерства? Еще пример — спортивная гимнастика. Потрясающе! Совсем еще недавно мне казалось, что после Ольги Корбут зритель уже никто не удивит. Но вот приходят новые девочки и создают нечто уж совершенно фантастическое. Но кто сможет все это повторить за ними? Вы не находите, что я в этом вопросе несколько консервативна? Что поделаться...

Говорят, что набирает силу конный спорт. Прекрасно. Говорят также, что конкур отдается предпочтение перед выездкой. Но выездка — более демократичный, общедоступный, более изящный вид конного спорта! Помню, для спектакля «Гусары и голуби» я научила лошадь Мефисто танцевать польку, это было подобно выездке. Но представить себе всадницу в конкуре мне не легче, чем смотреть балет «Иван Грозный».

Поясню: у каждого вида человеческой деятельности есть великие традиции, и их нарушение чревато распадом. В балете такой основой всегда была сказочность. Борюсь с собственным консерватизмом, но царица Анастасия вверх ногами — это выше моих сил! В спорте же такими основами были эстетика и реальность происходящего. Прыжок в три с половиной оборота едва ли более эстетичен, чем прыжок в два с половиной или три оборота, но он доступен единицам, и в этом я вижу недопустимое для спорта неравенство. Слышала, что решено ограничить число сложных прыжков. Приветствую это. В спорт должна вернуться красота.

Из книги Е. Н. Гоголевой «На сцене и в жизни»:

«Иногда мне кажется, что все сыгранные мною роли — это нечто среднее, обыденное, а сама я актриса очень посредственная... В письме к Г. А. Тов-

нужную роль — привязалась к словам: «Я нигде не езжу — ноги у меня болят» и потому выхожу на сцену с палочкой. Но голову и новую роль — княжны Плавутиной-Плавуницкой в «Холопах» П. Гнедича. Пьеса очень игровая, каждая роль интересна, сколь бы ни была она мала по количеству листов. «Холопы» — история времен Павла I. Интрига любопытна: у княжны, которую весь свет считает воплощенной невинностью, оказывается в судомойке незаконнорожденная дочь. В тайну посвящена лишь горничная княжны. Но горничная, умирая, доверяет тайну своему мужу. И он... Вы что-то хотите мне сказать?

— Только то, что будущей весной зритель сам сможет узнать, как развяжется этот узел...

— Слушайте, это же не детектив. Я и так выдала почти все содержание пьесы — остальные легко домыслить. Но волнует меня отнюдь не эта интрига, отнюдь не наивное желание обличить нравы российские на рубеже XIX века. Поставщику Борису Александровичу Львову-Анохину (кстати, именно он ставил «Мамуре») и нам, актерам, интересна возможность разговора об опасности некоего промежуточного социального состояния людей — уже не рабы, но еще не хозяева. Или — хозяева с рабской психологией. Всем очень интересно работать, а мне еще и страшно, потому что я видела в этой роли саму Ермолову, играла рядом с Марией Николаевной в той же пьесе другую роль. Я представляю себе княжну несколько иначе. Поверит ли зритель мне? Тот же вопрос задавала я себе и семьдесят, и тридцать лет назад. И никогда не могла на него ответить...

...В январе 1956 года поэт Борис Пастернак писал Елене Николаевне: «Высшая похвала... — это когда искусство или какое-нибудь из его проявлений растет на наших глазах от положения к положению, как растет человеческая жизнь. Когда, уходя со спектакля, зритель выносит впечатление, будто не смотрел Вас и Вашей часами измерившейся роли, а прожил век вместе с Вашей дерзостью и Вашим горем. Так это и было... Слава Вам!»

Год спустя он написал:

То же бешенство риска,
Та же радость и боль
Слили роль и артистку,
И артистку, и роль...
Сколько надо отваги,
Чтоб играть на века,
Как играют овраги,
Как играет река,
Как играют алмазы,
Как играет вино,
Как играть без отказа
Иногда суждено...

Беседу вел
М. БОЛОТОВСКИЙ.